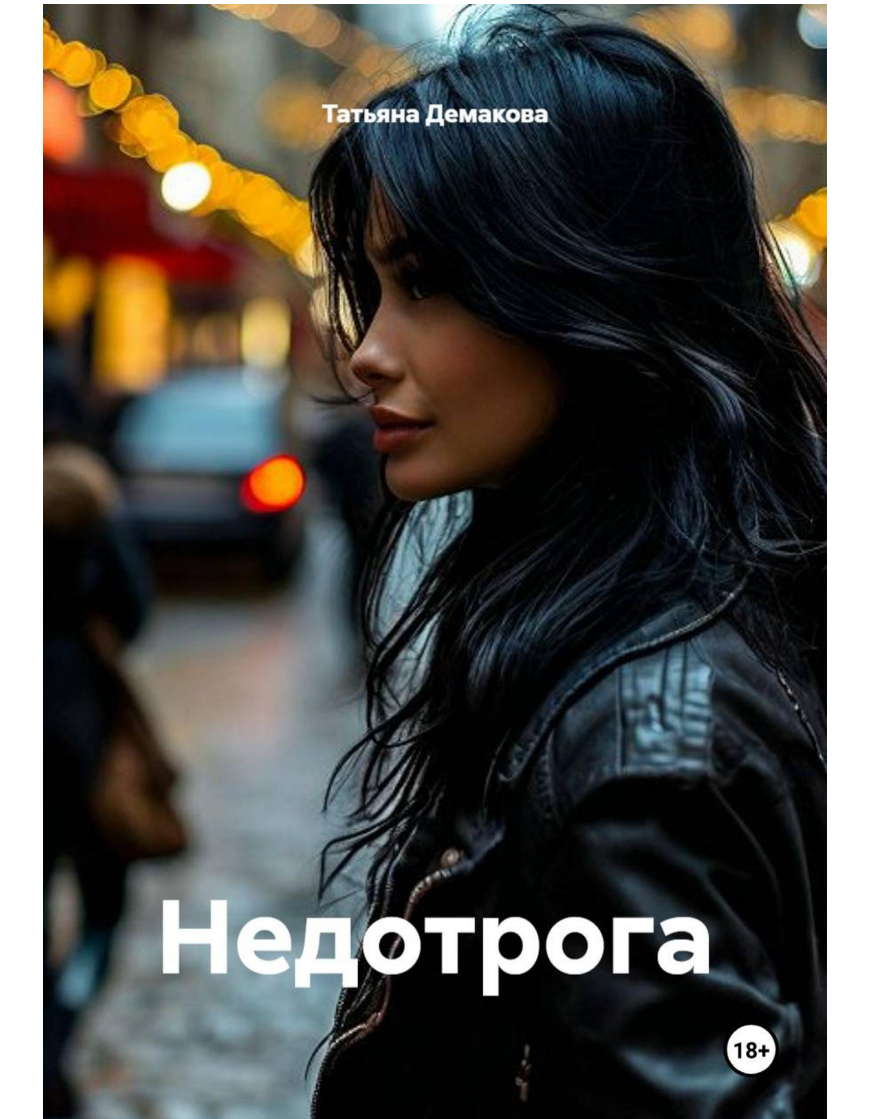

A close-up, profile shot of a woman with long, dark, wavy hair. She is wearing a black leather jacket. The background is a blurred city street at night, with warm, out-of-focus lights creating a bokeh effect. The overall mood is cinematic and moody.

Татяна Демакова

Недотрога

18+

Татьяна Демакова

Недотрога

<https://litres.ru/74256358>

SelfPub; 2026

Аннотация

силуэт женщины с черными волосами без лица, только фигура. На встречу бывших одноклассников особенно спешат те, кому есть чем похвастаться. Количеством машин или детей, экзотических путешествий или спортивных медалей.

Он прилетел, чтобы увидеть свою первую любовь. Черноглазую девочку-циркачку. Да, они встретились. И вместе попали в эпицентр разборки местного бизнес-криминала.

Татьяна Демакова

Недотрога

В разных домах утро начинается с разных звуков и запахов. Где-то пахнет свежесваренным кофе, где-то подгоревшей овсяной кашей. Где-то бормочет телевизор, а где-то шумит водопад в душевой кабине.

А где-то под толстым одеялом лежу я. Лежу и думаю, встать или подремать еще немного. На часах еще только семь. Я представляю, как тарахтят будильники во всем мире. У всех будильников разные голоса и мелодии. Интересно, какая симфония бы получилась, если вдруг услышать все будильниковые звуки разом.

Вот уже месяц, как я числюсь официально безработным. Еще до конца не осознал и не привык. Вот почему и просыпаюсь, как заведенный.

Все случилось в один день.

В восемь ноль-ноль я был как всегда на своем рабочем месте. А в восемь двадцать наш менеджер, Ольга Никитина, траурным тоном объявила, что с сегодняшнего дня фирма прекращает свое существование, и можно забрать трудовые книжки.

-

Это не по закону, - взвопила Элла, моя соседка по компьютерному столу, - нас должны были оповестить за две

недели, куда мы теперь?

-

Вы, вы меня спрашиваете? - Ольгино лицо покрылось красными пятнами. - Я, как и все вы, тоже безработная теперь.

-

Всех уравнивает Биржа труда, - почему-то радостно воскликнул Попов, самый пожилой в нашей компьютерной команде. Он тут же начал собирать бумажки из ящиков рабочего стола.

-

Ольга Антоновна, вы серьезно? - Элла все еще не могла прийти в себя.

-

Серьезней некуда. Вот приказ. И освободить помещение мы должны через два часа, - Ольга обвела пустым взглядом нашу комнату и вдруг, громко всхлипнув, побежала в сторону туалета.

Что я почувствовал в эти мгновения? Трудно сказать. Работа временами мне нравилась, но временами и раздражала. Я в нашем рекламном агентстве сидел на маленьких заказах. Делал визитки, небольшие рекламные модули для местных газет. Маленькие заказы - это в основном рутина. Шрифты на визитках повторяются, а небольшие рекламные модули - это вообще скучный отстой. Картинка, название фирмы, адрес. Если я пытался придумать что-нибудь интересненькое,

клиент чаще всего возражал. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. В основном, музыку заказывали унылую и сто раз звучавшую.

-

Костя, тебе что все равно? - Элла очень хотела революционной драмы.

Я пожал плечами.

-

Зарплата была неплохая, и на том спасибо.

-

Тебе-то что, а мне ребенка кормить нужно, - Элла шумно выдвигала ящики стола. - Гады, капиталисты, моя матушка всегда говорила, что до долбаной перестройки, люди жили лучше.

-

Да, была стабильность, - подал голос Попов.

И вот уже месяц я ничего не знаю ни про Ольгу, ни про Эллу, ни про Попова, ни про других сослуживцев. Не хочу. Неинтересно. Тогда зачем я вообще находился в этой комнате в течение трех лет по восемь часов? И не закройся фирма в одночасье, может быть, и дальше там торчал?

Я люблю порассуждать сам с собой. Особенно, когда случаются какие-то негативные моменты. Я напрягаюсь, как бы внутренне даю себе команду, а потом начинаю вывязывать, как узор, свои рассуждения. И, в конце концов, прихожу к выводу, что все случившееся только благо. Благо для моей

души. А душа, как известно, плутает в тумане нынешнего мрачного времени, когда путеводная звезда на небосклоне - денежный знак. Вот и я сидел в конторе, только потому, что зарплата была более-менее нормальная, а все остальное было утоплено в пучине мутных будней.

Мое утро начинается с компьютера. Две, три кнопки и бац, я уже не один. Кофеварка стоит рядом, и пока идет загрузка техники, я загружаю свой бодрящий продукт.

Так-с, кто сегодня мне написал? Калинина Танюха, восторженная барышня из северного городка. С ней мы познакомились в поезде, проболтали за чаем часов пять, и вот она уже три года подробно описывает дни своей жизни. Я в ответ посылаю короткие письма. Странно, переписка ни о чем, а не заканчивается.

Вовчик, мой однокурсник, накатал о своем житье-бытье в старинном городе Владимире, куда он поехал по распределению. Думал, что на три года, а вот уже почти семь лет, как там обитает. И, похоже, доволен своим провинциальным укладом.

А это что такое?

“Уважаемый Константин Нежин! Школа номер 116 отмечает свой пятидесятилетний юбилей в декабре. Будем рады, если вы приедете на встречу выпускников.

В приложении к письму вы можете ознакомиться со списком выпускников разных лет, которые уже подтвердили свое участие в этом торжественном событии.

По поручению оргкомитета, Дарья Земская.”

Какая странная информация! Отчего-то я занервничал.

Дело в том, что ни в одной школе я не учился больше двух лет. Мой папенька закончил военное училище, и прежде, чем я родился, они с матушкой начали колесить по стране. Почему-то кочевая жизнь военнослужащих была нормой в те времена.

“Мы жили на чемоданах, никогда не знали, сколько дней, лет проведем в той или иной части, - любила рассказывать матушка. - Бывало, только распакуемся, немножко обживемся, вдруг приказ - срочно

Переезжать!”

Какие-то дикие игрища все время затевал кто-то на самом верху. Все люди - винтики в сложном механизме. А уж военные тем более. Это я сейчас так думаю с возмущением. А тогда мне очень даже нравилось. Новые квартиры, новые друзья-товарищи. То Средняя Азия, то Заполярье, короче, то жарко, то холодно.

Итак, школа № 116, это в одном сибирском городе. Не хочу писать его названия, так как все узнаваемо. И в этой школе я учился в седьмом классе.

Интересненько! Я не поленился и открыл книжный шкаф, где на верхней полке лежали старые фотоальбомы. Я не знаю, делают ли сейчас такие фотографии, где все ученики выстроены в три ряда, в центре - учителя и фото школьного здания. Фотографию я достал для того, чтобы сверить фами-

лии тех, кто учился со мной в классе, с теми, кто подтвердил свое прибытие на встречу.

Еще давно где-то я прочитал, что мысль, произнесенная вслух, это ложь, а мысль написанная - ложь вдвойне. Что же это получается, мы никогда не можем быть правдивыми до конца?

К чему это я?

А к тому, что именно там, в этой сибирской школе, случилась моя первая любовь! Но я ведь даже перед самым собой сделал вид, что забыл об этом. А не забыл! И в том списке, который прислала незнакомая Дарья, я увидел имя той девочки, которая когда-то будоражила мое сердце!

Ия Токова. Черные, блестящие волосы, заплетенные в тугую косу, большие темно-карие глаза, ресницы густые и длинные до бровей. А сами брови изогнуты, как дуги. Губы необыкновенного рисунка. И над верхней фигуристой губой темная родинка.

Помню, тогда, в своих мальчишеских снах я всегда целовал ее в эту родинку. Но больше всего меня поразила не ее красота, что я тогда вообще мог понимать в этом? Сразило другое - она была цирковой артисткой. Да, да!

Она появилась в классе в конце сентября, и я краем уха слышал, как наша классная училка объясняла своим коллегам, что ученица Токова выступает в цирке со своей семьей. Цирк гастролировал по всей Европе, вот почему она опоздала к началу учебного года. А теперь наши богатые сибиряки

пригласили известную цирковую группу.

Ию посадили на первую парту рядом с близорукой Симой Шотман. На уроках Ия сидела, не шелохнувшись, как натянутая струнка. Когда учителя вызывали ее к доске, она терялась, говорила путано и с каким-то непонятным акцентом. Но ни один из наших школьных клоунов почему-то не смеялся и не ерничал. За нее все переживали. Очевидно было, что она старалась, но уж очень был запущен весь материал. И за все контрольные и диктанты она получала жирные двойки.

В школьные годы существует своя четкая иерархия. Двоечники дружат с двоечниками, отличники с отличниками. Я был всегда отличником. Не по старанию, а по уму. Правильно говорят, что программы наших школ рассчитаны на недоумков. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы освоить все примитивные правила. И я первый нарушил законы иерархии. Я, блестящий отличник, которому строят глазки самые лучшие девочки школы, вдруг запал на двоечницу со странным акцентом.

Это было наваждением. Я ложился спать и думал о ней, просыпался и опять готов был повторять ее имя. И было так сладко моим губам произносить короткое, нежное имя - Ия. Для меня оно звучало И я, и я с тобой!

Мой сосед по парте, Женька Зимин, наверное, тоже был влюблен в Ию. Он хитро мне подмигнул однажды и предложил.

-

Слушай, а давай проследим, где эта новенькая девчонка живет!

Тогда я подумал, что он просто почувствовал мое настроение, а сейчас понимаю, у него были свои планы.

И вот после уроков, прячась за домами и припаркованными машинами, мы с Женькой крались за девичьим силуэтом. Был ноябрь, а снегу было по грудь, мы проваливались в сугробы, скользили на ледяных дорожках, но упрямо двигались за ней.

Вот дураки-то! Это откровение было в наших глазах, когда мы переглянулись. Ия остановилась возле гостиницы, которая была рядом с нашим цирком. Ну, разве нужно быть Шерлок Холмсом, чтобы не догадаться!

-

Смотри! - толкнул меня в бок Женька, - на афише она!

Я замер. Круглая тумба была облеплена разноцветными плакатами. На одном из них скакали белые лошади, и на одной из них стояла Ия. В коротенькой блестящей юбочке. Одна ножка вытянута вверх, я даже зажмурился, словно устыдился заглянуть под юбочку.

“Токовы. Лучшие наездники Мира!” - яркие буквы дополняли плакат.

Вечером я лениво, словно это для меня ничего не значило, спросил родителей.

-

А не пойти ли нам в выходные в цирк?

Маманя удивилась.

-

Ты ведь никогда не любил цирк, что изменилось? Помнишь, как ты возмущался о том, что бедных животных держать в клетках. А потом за кусок мяса или сахара заставляют делать то, что они не хотят и не любят делать.

-

Это было тогда, а сейчас другое дело, - я допил свой чай, помолчал, а потом добавил.

-

У нас в классе новенькая. В цирке вся ее семья выступает. Интересно было бы посмотреть...

-

Пусть бы ваш классный руководитель организовал культ-поход.

-

А я не хочу классом. Это колхоз.

-

Билеты, наверное, дорогие, вздохнула матушка.

Я вспомнил про свою копилку и промолчал. Решил, что пойду один или на худой конец с Женькой.

Но в воскресенье мы отправились всей семьей. Видимо, папаня

решил, что семейные вылазки сплачивают поколения.

Это было что-то! В первом отделении я ничего не видел

и не слышал. Прыгали клоуны, взлетали акробаты и таякали почти игрушечные собачки. В моей груди бушевал пожар, который не смогли загасить два проглоченных в перерыве крем-брюле.

-

Встречайте! Лучшие наездники в мире. Токовы! - конферансье произнес много замысловатых имен. Но я услышал лишь одно имя - Ия.

Она была неотразима. На лихом белом скакуне. Конь слушался ее, то галопировал, то вальсировал под музыку. А она, легкая, воздушная, как перышко, обворожительно улыбалась всем зрителям. А мне казалось, что только для меня эта счастливая улыбка.

Когда их вызвали на поклон, то какой-то усатый парень выбежал на арену и стал целовать всех подряд. Всю ее семью. Отца, братьев и мою принцессу тоже поцеловал! Был бы у меня пистолет, убил бы не задумываясь!

-

Ну как, Костик, тебе понравилось? - матушка встревоженно всматривалась в мое лицо, когда на трамвае мы возвращались домой.

-

Нормально, - пожал я плечами.

-

Эти чеченцы-всадники были хороши! - с воодушевлением откликнулся отец. - Я так понял, их там три поколения.

Самый главный - тот седой старик с усами.

-

А где же была твоя одноклассница? - вдруг спохватилась матушка.

-

Там, среди всадников, - как можно равнодушнее произнес я. Больше всего боясь выдать себя и свое чувство. Я знал, как родители любят пошутить над моими эмоциями. Помню, давно в детском саду я подарил девочке свою игрушку, и с тех пор это весёлая застольная история. Дескать, наш мальчик с пеленок - кавалер и рыцарь. Все лучшее - женскому полу. Я уже и забыл, как звали ту подружку, а они все помнят и посмеиваются.

Дома я сразу же пошел в свою комнату. Лег на диван и закрыл глаза. И видел опять ее, скачущую на белом коне.

На следующий день в школу я летел, как на крыльях. Я уже несколько раз отрепетировал про себя слова восхищения, которые скажу ей. И в конце своей тирады я придумал, что поцелую её в смуглую щечку.

А она не пришла ни в этот, ни на следующий день. Я почти умирал. Думал, что уже никогда не увижу ее и не скажу то, что так жгло внутри.

-

Константин, хватит валяться на диване, - маманя заглянула в мою комнату, - будь добр сбегай в булочную.

-

Ну ладно, - я нехотя натянул куртку, взял сумку и кошелёк.

Мороз приударил, и я бегом помчался к булочной. Дух перевел, когда вскочил в теплое, пахнущее хлебом, помещение.

-

Ой, ты меня напугал!

Я почти лицом столкнулся с Ией!

-

Ты куда пропала? Заболела? - выдохнул я.

-

Нет, я в порядке. У нас лошади заболели. Два дня плохо кушают. А у Аксая температура.

-

Что? У лошадей бывает температура?

-

Еще какая, - Ия горестно вздохнула. - Они, как люди, болеют. И простужаются тоже. Я вот своему Тимурчику солевых сушек купила, - она раскрыла пакет.

Я заглянул. Конечно, сушек не увидел. Перед глазамиплыли круги. От неожиданности, волнения, от любви, что разрывали сердце.

-

Слушай, я был в цирке. Грандиозно! - что-то я еще хотел сказать, а вылетело то, что не ожидал и не репетировал. - Я люблю тебя! - я ткнулся мокрыми губами в ее щеку.

-

Дурак! - она шлепнула меня по щеке.- Я думала, ты нормальный парень, - резко развернулась и выбежала из булочной.

Я подошел к стене. Ноги дрожали. Как бы не упасть!

-

Мальчик, тебе плохо? - какая-то старушенция остановилась возле меня.

-

Плохо, мне плохо! - заорал я и побежал к полкам, где лежали батоны.

-

Костик, ты совсем невнимательный! - матушка выговаривала мне позже. - Я тебя попросила купить половинку Бородинского и батон городской. Ты все перепутал!

О! Какая разница, что жевать! Я зашел в душ, включил воду и зарыдал. Так было обидно, больно и непонятно.

Как она сказала? “Я думала, ты нормальный парень!” Дурак я, действительно тупица и маньяк.

Ужинать я отказался, сказал, что у меня расстройство желудка. Мать с отцом переглянулись, но уговаривать не стали.

Спал я или не спал? Утром решил, что напишу ей письмо. Попрошу прощения, но обязательно расскажу ей о своей любви. А она пусть решает, как дальше нам жить. Если скажет “Да”, мы с ней друг другу дадим слово и поженимся через два года. Если скажет “Нет”, то тогда... Тогда я не знал,

стоит ли дальше жить.

Утром я выпил стакан горячего чая.

-

А бутерброд? - заботливо спросила матушка.

-

Не могу, все еще в животе бурлит, - поморщился я.

-

Вечером сварю рисовую кашу, хорошо помогает. Если будешь себя плохо чувствовать, то зайди в медицинский кабинет в школе, - матушка поправила шарф, чмокнула меня в щеку, как обычно. - Удачи!

А я и не ожидал никакой удачи. И вдруг прямо у моего подъезда увидел Юю. Она стояла такая хорошенькая в светлой шубке, красной шапочке и красных сапожках.

-

А я тебя жду, - сказала просто. - Ты на меня не сердись за вчерашнее, - она серьезно заглянула в мое лицо. - У нас в семье все такие горячие. Сначала наговорим всяких плохих слов, а потом переживаем.

-

Да, ладно тебе. Ничего ты не сказала плохого, - тут уж я стал ее успокаивать. - Я действительно дурак! Иногда, - добавил убедительно, чтобы она не подумала, что я человек со справкой из психдиспансера.

-

Ты хороший, - произнесла она торжественно. - Только зна-

ешь, у нас ведь все по-другому. И замуж я должна выйти только за чеченца.

-

Это еще почему? - возмутился я.

-

Так положено, - она вздохнула, как взрослая барышня.

-

Ну это мы еще посмотрим! - в моей голове промелькнули сцены дуэли.

-

Вот так картинка! - откуда он только нарисовался? Косолапый и толстый Колька Ермолаев из восьмого класса. - Это называется Дружба Народов, - прогундосил он, - еврей и надсменка, - он так противно засвистел какой-то блатной мотивчик.

-

Выбирай слова, - произнес я, в душе цепенея от страха. Драться я не умел и не любил.

-

Я его сейчас научу! - Ия вдруг побежала на Кольку с каким-то странным прискоком, наклонив голову. Словно собиралась головой ударить его в грудь. И еще она как-то гортанно вскрикнула, как большая птица.

-

Эй, ненормальная, да я пошутил, - Колько вдруг ретировался. - Все вы дикие! - прокричал уже поодаль.

Ия повернулась ко мне. И я тоже испугался, ее глаза горели неистовым пламенем.

-

Сказал бы он что-нибудь еще, очень бы пожалел, никому не разрешено нас обижать, - она глубоко вздохнула.

Перед Новым годом директор школы организовал культ-поход в цирк.

На следующий день Ия стала Звездой. Ребятня со всех классов прибегала на переменах, чтобы на нее поглазеть. Старшеклассники приносили для нее коробки конфет и розы в целлофане, девчонки завистливо и восхищенно взирали.

-

Такие странные дети, - пожимала плечами Ия. - Я с четырех лет работаю на арене. У нас во многих семьях так.

Мы с ней дружили три месяца. Январь, февраль, март. После уроков оставались в классе и делали домашние задания. Ко мне в гости ходить ей не разрешали ее родители, поэтому общаться мы могли только в классных комнатах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.